

Ольга Королькова

**РЕЦЕПЦИЯ УКРАИНЫ В НЕМЕЦКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (К ВОПРОСУ О
ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ)**

На матеріалі німецької та австрійської літератури розглядаються особливості формування українського національного гетеростереотипу з точки зору його культурно-історичної та дискурсивної зумовленості.

Ключові слова: національний стереотип, національна самосвідомість, література, К. Е. Француз, Л. фон Захер-Мазох.

На материале немецкой и австрийской литературы рассматриваются особенности формирования украинского национального гетеростереотипа с точки зрения его культурно-исторической и дискурсивной обусловленности.

Ключевые слова: национальный стереотип, национальное самосознание, литература, К. Э. Француз, Л. фон Захер-Мазох.

On the material of the German and Austrian literature this article considers special features of Ukrainian national heterostereotype in their cultural, historical and discursive determination.

Keywords: national stereotype, national self-consciousness, literature, K. E. Franzos, L. von Sacher-Masoch.

Выбирая **объектом** своих рассуждений проблему формирования национальных стереотипов, мы исходим из наиболее распространенного понимания национального стереотипа как «устойчивого, схематичного, эмоционально окрашенного мнения одной нации о другой или о самой себе» [1]. При этом «мнение одной нации о другой» обозначается как гетеростереотип, а о самой себе – как автостереотип [5, с. 150]. Поскольку эмоциональная составляющая в подобном определении оказывается очень значимой, представляется интересным проследить особенности национальных гетеростереотипов на материале искусства, в частности – литературы. Поэтому **предметом** исследования в данном случае будет образ Украины и украинцев, сложившийся в немецкоязычной литературе XIX века.

Задаваясь **целью** обнаружить культурно-историческую и дискурсивную обусловленность этого образа, следует помнить, что немецкая литература давно знакома с украинцами. Так, еще в «Песне о нибелунгах» короля Этцеля сопровождает разноплеменная свита, в которую входят и «бойцы из Киевской земли» (авентюра XXII). Но постоянные и заинтересованные немецко-украинские контакты устанавливаются позже, когда немцы начинают селиться на украинских

территориях Российской империи, а некоторые заселенные украинцами территории окажутся в составе империи Австрийской. Не вдаваясь подробно в историю политических и экономических связей, следует, однако, заметить, что взаимоотношения украинцев и немцев складывались значительно более благоприятно, чем отношения украинцев с другими соседями – венграми, поляками, россиянами. И дело здесь не только в том, что внедрение немцев в украинскую среду происходило по принципу комплементарности (немцы, как правило, занимали ту социальную нишу, на которую не претендовали другие этнические группы).

Негативные этнопсихологические стереотипы по отношению к немцам не возникали еще и потому, что немцы никогда не пытались проводить ассимиляционную политику среди украинцев: они держались достаточно отстраненно от проблем украинской социально-политической жизни и демонстрировали подчас поразительную пассивность – так, что даже во время первой мировой войны австрийская армия в ходе боев в Галиции не могла рассчитывать на поддержку местного немецкого населения (см. об этом: [12, с. 73]). Немцы не навязывали украинцам своей культуры, а скорее сами стремились избежать ассимиляции, причем это касается не только российских, но и австрийских немцев. Позиция украинских немцев в инонациональном окружении кажется скорее оборонительной, чем наступательной. Они всерьез озабочены упадком собственной культуры, даже собственное национальное самоопределение представляется им часто проблематичным. Когда в Черновцах открывался Немецкий дом, созданный как центр культурной жизни немцев Буковины, в приветственной речи профессора Шарицера прозвучали такие слова: «Понад сто років діяли німці на Буковині і при цьому повністю забули себе, свій народ. Вони не створили нічого, що могло б піти на користь їх народу. І лише тепер прийшли буковинські німці до того, щоб збудувати свою фортецю, зовнішньо засвідчити їх буття та своє право на існування» (цит. по: [7, с. 9]).

Здесь очень важны две мысли: во-первых, немцы должны заявить о своем существовании, продемонстрировать себя окружающим (то есть до сих пор они были не очень заметны?), а во-вторых – они должны создать крепость, защищающую их от этого окружения. Впрочем, до серьезных конфликтов и тем более до противостояния дело не доходило, и взаимная заинтересованность украинцев и немцев была довольно добрососедской. Нужно при этом иметь в виду, что защищаться немцы собирались не столько от революционности украинцев, а, скорее, от активной наступательности поляков и венгров, с которыми, впрочем, и у украинцев складывались весьма напряженные отношения.

Тем не менее, рецепция украинцев немцами сталкивалась с важной проблемой. Знакомство с любой культурой пробуждает, в первую очередь, этнографические интересы, но идентифицировать украинцев как самостоятельный этнос оказывалось весьма затруднительно, поскольку и сами-то они были не очень уверены в своем этническом самоопределении. В Украине линии, идущей от «Истории руссов» до «Руської трійці», Кирилло-Мефодиевского братства и И. Франко, противостояла инертная неповоротливость общественного сознания, колебавшегося в своей национальной самоидентификации, а то и не заинтересованного в ней. Что уж говорить о немцах, если даже братьев-славян приходилось убеждать в самом факте существования украинского этноса, так как «багато братів слов'ян уважає нас русинів за один народ з москалями та <...> називають нас просто – руссен» (цит. по: [6, с. 106]), – писал в своих воспоминаниях А. Вахнянин, первый председатель украинского национально-культурного общества «Січ», созданного в Вене.

Такая специфическая культурная ситуация действительно затрудняла восприятие украинцев немцами. С одной стороны, украинцы не представляли реальной политической силы, как, например, россияне или поляки, а потому даже австрийское правительство долго не вырабатывало конкретной политики применительно к ним. С другой стороны, их подчас трудно было отличить от русских, а значит и отношение к украинцам формировалось не на уровне понятий, концепций, политических и культурологических теорий, а на уровне эмоций, умиления положительными, с точки зрения немцев, чертами украинского национального «духа» или рассуждений по поводу его «варварской прелести».

Интерес немецкой литературы к Украине был инспирирован и осенен авторитетом самого И. Г. Гердера, посвятившего Украине знаменитый пассаж в «Дневнике моего путешествия»: «Украина станет новой Грецией. Прекрасное небо, простирающееся над этим народом, его веселый нрав, музыкальность, плодородные нивы и т. д. когда-нибудь воспрянут ото сна. Из множества малых диких народов, какими были когда-то и греки, возникнет цивилизованная нация» [3, с. 324]. Если же к веселому нраву и музыкальности добавить еще и «коварную и жестокую леность раба» [2, с. 471], свойственную, по мысли Гердера, всем славянам, долго пребывавшим под игом, мы получим основной набор качеств украинского народа, который будут замечать побывавшие здесь немцы, да и не только немцы.

XIX век внес в этот образ и свою лепту. Создалась парадоксальная ситуация: хотя украинцы редко воспринимались как самостоятельный и

самоценный этнос, литераторы и ученые, занятые поисками «духа народного», все чаще описывали особенности украинской ментальности в противопоставлении ее ментальности русской. Й. Г. Блазиус из Брауншвейга обращал внимание на то, что «в малороссе живет нежное, поэтическое чувство <...> практичный, часто грубо реалистичный смысл великоросса не понимает более тихих и потаенных потребностей малороссийской души <...> Насколько в жизни малоросс может быть упрям, односторонен, строптив, настолько подвижно, неуловимо и многогранно его поэтическое чувство» (цит. по: [11, с. 133]). Указания на необычную музыкальность украинцев становятся трюизмом и переходят из сочинения в сочинение, как, впрочем, и бытовые наблюдения, касающиеся особенного физического здоровья украинцев, их любви к подвижному образу жизни, их чистоплотности. Сошлемся вновь на Й. Г. Блазиуса: «В Малороссии даже в самом бедном крестьянском доме можно спокойно приклонить свою голову, а также не бояться кучера, находящегося поблизости, в то время как в Великороссии известные домашние и постельные насекомые считаются, кажется, чуть ли не священными и уж совершенно необходимыми в повседневном быту» (цит. по: [12, с. 128]).

Формированию такого приятного образа украинца способствовала и растущая в Западной Европе популярность украинской народной поэзии и литературы, причем ведущая роль принадлежала здесь именно немецким переводчикам: в 1840-е годы появляются фольклорный сборник В. Вальдбрюля, друга Р. Шумана, с забавным названием «Славянская балалайка» («Slavishe Balalajka») и весьма авторитетное издание Ф. Боденштедта «Поэтическая Украина» («Die poetische Ukraine»); множатся переводы украинской литературы, львиную долю которых составляют конечно же переводы из Шевченко.

К концу первой трети XIX века фольклорно-этнографический интерес к Украине дополнился интересом к ее истории, возникшем на волне исторических исканий европейского романтизма. Украинская история, которую, по меткому выражению В. Винниченко, нельзя читать без брома, давала литературе богатый материал для развертывания романтических страстей, бурных свободлюбивых характеров. Именно наличие собственной яркой истории заставило, наконец, западноевропейского читателя признать самостоятельность украинцев как народа: «Малороссы представляют из себя совершенно своеобразный, очень многочисленный народ со своим собственным языком и собственными историческими воспоминаниями. Смешение с великороссами возможно лишь в частностях, но нигде не в главном» (цит. по: [11, с. 125]),– убеждал И. Г.

Коль, проехавший почти всю Украину с севера на юг и посвятивший этому путешествию целых три тома своих записок. Украинская история оказалась для человека Западной Европы наполненной притягательной экзотикой, и героями литературы становились гайдамаки, «опришки», гетьманы.

Особенно повезло Мазепе, который, как известно, интересовал еще Дж. Байрона и В. Гюго. Популярен он и у немцев: А. Маурициус посвящает поэму «Мазепе-певцу»; Р. фон Готшаль пишет драму «Мазепа», полную пафосных надрывных монологов, роковых стечений обстоятельств, гротеска и романтических преувеличений. Несмотря на свои невысокие художественные достоинства, драма получила успешную сценическую жизнь и даже была переведена на украинский язык Ю. Федьковичем. Нужно признать, что вся эта псевдоисторическая литература имела весьма отдаленное отношение к реальной истории Украины, но и следует помнить, что таково было веление времени, ведь романтики были больше заинтересованы в самовыражении, чем в изображении и отображении.

Более серьезный и аналитичный подход появился во второй половине XIX века, и связан он, в первую очередь, с именами К. Э. Францоа и Л. фон Захера-Мазоха, в творчестве которых украинские темы стали не проходными, а одними из главных, имеющими даже концептуальное значение.

К. Э. Француз, яркий писатель и публицист 60-80-х годов XIX в., родился и долгие годы жил в Украине. По своим мировоззренческим установкам он был очень близок к просветительской традиции, прочно укоренившейся в австрийской литературе. А потому единственно правильным и согласующимся с природными законами путем развития человека или общества в целом для него был путь разума, накопления знаний и освоения культурного наследия тех более развитых народов, которые дальше продвинулись по пути безусловного для Францоа прогресса. Немецкая культура должна оказать благотворное влияние на культуру украинскую, тем более что в областях австрийской Украины, по его мнению, для этого складываются самые благоприятные условия. Следует отметить, что Француз думал об украинцах не как о бесперспективно отсталом народе, а как о народе, в силу исторических обстоятельств приподнившемся в своем развитии по пути прогресса. Француз уповал на добрую волю и благоразумие австрийского правительства, которое, как ему думалось, не только исторически не препятствовало культурным устремлениям украинцев, но «напротив, всячески способствовало таковым, в стенах прекрасных немецких

учебных заведений превращая варваров в людей культурных» (цит. по: [11, с. 263]). Несмотря на неприятно звучащую для нашего уха терминологию, Француз отнюдь не был шовинистом. Слова «варвар», «дикарь» в устах европейского интеллигента середины XIX века, помнящего о Руссо и Шатобриане, Гердере и гейдельбергских романтиках, уже не означали «недочеловек» и еще не означали «сверхчеловек», как у Ницше.

Украине посвящены две книги путевых очерков Францоza «От Дона к Дунаю. Новые очерки культуры из Полу-Азии» («Vom Don zur Donau. Neue Kulturbilder aus Halb-Asien»), роман «Борьба за право», новеллы «Немой», «Восстание в Воловцах». Роман «Борьба за право» увидел свет в 1882 г. и сразу же оказался втянутым в контекст украинской литературы: в 1883 г. М. Старицкий написал на основе романа пятиактную драму «За правду», которая после дополнительной обработки в 1888 г. стала более известной под названием «Юрко Довбыш» (имя главного героя было изменено в пользу фольклорных реминисценций).

Австрийского писателя привлекает в украинцах то, что «они старанні, стійкі і терплячі [9, с. 23], но за этой терпеливостью скрывается гордая и свободолюбивая натура, породившая когда-то отважных гайдамаков. Украинец «не заздрісний, має шире серце, хоробрий і гостинний» [9, с. 173]. Гостеприимство украинцев Француз упоминает неоднократно: особенно замечательным кажется ему то, что и до сих пор удивляет многих иностранцев: хозяева стремятся обильно накормить гостя; стол, накрытый для него, ломится от всевозможной снеди, причем хозяева достают все самое лучшее, в чем семья может отказывать себе в другое время.

Притягательно для Францоza и уважение, с которым в Украине относятся к общему делу, к интересам и мнению общины. Украинцам, как считает писатель, чуждо стремление к наживе, к накопительству, само понятие частной собственности определено в их среде довольно расплывчато.

Но и эти «естественные люди» не свободны, по наблюдениям Францоza, от пороков. Эти пороки вызваны, с одной стороны, угнетенным положением украинцев, а с другой – их дикостью, нецивилизованностью. За долгие годы неволи, считает Француз, они приобрели «затурканість і надмірну покірливість, яка змушує скореного хилити голову нижче, ніж він мав би» [9, с. 24]. Отчаянное положение заставляет многих удариться в пьянство, в результате чего человек теряет все свои достоинства, да и человеческий облик вообще. Шинок – беда Украины, утверждает Француз. Собственно говоря, в этом мнении он не одинок. Нет, пожалуй,

ни одного украинского или иностранного писателя, пишущего об Украине XIX века, который не упоминал бы о столь роковом для бедного (да и не только бедного) украинца месте.

Смущают Францоza и необычайно свободные, с его точки зрения, взаимоотношения между мужчинами и женщинами, бытующие в украинской среде: портит этот народ «одна вада – аморальність, що виявляється в стосунках між обома статями» [9, с. 169]. Взаимоотношения между мужчинами и женщинами вне брачных уз представляются Францоzu проявлением дикости «детей природы». В вопросах морали Француз попросветительски ригористичен, да это, собственно, и не его тема. Зато именно она становится особенно интересной современнику Францоza, Л. фон Захеру-Мазоху, и таким образом гендерная проблематика в австрийской литературе тоже оказывается связанной с украинскими реминисценциями.

В жизни и творчестве уроженца Галиции Захера-Мазоха Украина занимала такое же большое место, как и в творчестве его старшего современника и соотечественника Францоza. Однако, образ Украины, ее рецепция, эмоциональное отношение к ней находятся в разном дискурсивном поле. И не только потому, что они были совершенно разными людьми, а больше потому, что продолжали они разные линии в австрийской и европейской литературе. Француз был запоздавшим просветителем (запоздавшим с точки зрения европейского, а не австрийского литературного процесса). Творчество Захера-Мазоха нужно отнести, скорее, к развитию романтической традиции, и место его в литературе где-то между поздним романтизмом и неоромантизмом с его «романтикой нервов».

Л. фон Захер-Мазох, как и К. Э. Француз, родился и некоторое время жил в Украине. Как и у Францоza, его восприятие украинцев исходит из противопоставления их естественности, здоровой природности цивилизованному Западу. Но, в отличие от Францоza, Захер-Мазох не спешит призывать к улучшению «дикарей»; он скорее антипрогрессист, и главной ценностью для него является не уверенная поступь к светлому будущему, а умение сохранить в человеческой натуре изначальное, природное, следовательно – истинное.

Многие рассказы Захера-Мазоха написаны на украинском материале (сб. «Галицийские рассказы» и др.), да и самого себя он ощущает как бы человеком двух культур, в котором соединились западная рациональность и славянская меланхоличная поэтичность. Не случайно, описывая украинцев, писатель часто говорит «мы», «наш народ». Эти скрытые славянско-украинские обертоны сознания и мироощущения выражаются

у Захера-Мазоха в колеблющемся национальном самоопределении. Конечно же, он чувствует себя в первую очередь немцем, но в то же время, отчасти и украинцем. Когда речь идет о внешних проявлениях национального, писатель отстраняется от украинцев (вежливость, радушие укоренились «в їхніх мові та звичаях» [4, с. 42]); когда же в поле зрения оказываются более глубокие особенности национального характера, то Захер-Мазох вдруг начинает считать себя украинцем («Моя нудьга теж перейшла у смуток, у той смуток, котрий так притаманний нам, українцям, в упокорення, в відчуття неминучості» [4, с. 40]). Родство, которое, как ощущает Захер-Мазох, связывает его с украинским народом, не этнографического, а ментального свойства. Для писателя больше эмоционального, чем рационального, это значительно важнее. Разница между Востоком и Западом видится писателю в противостоянии чувства и разума, первобытности и цивилизации, молодости и старости.

Основу социального единства украинцев Захер-Мазох видит в общинном сознании, в опирающейся на тысячелетние традиции первобытной демократии: «Ось така – як і тисячі років тому, – слов'янська громада. Один за всіх, і всі за одного, – вища суть – велич людська» [4, с. 247]. Возводя, а точнее, спуская украинскую культуру к первоосновам человеческой культуры вообще, писатель попадает в область глубинного, мифологического мышления, да и сознательно занимается мифотворчеством: в рассказе «Праздник жатвы» господствует атмосфера единства людей друг с другом и с обильно плодоносящей природой, буйство плодотворящих сил, и, по-видимому, не случайно главную героиню зовут Евой. В новеллах Захера-Мазоха рассказывается о летающих – падающих звездах, от поцелуя которых человек умирает; о совах, в которых превращаются души некрещенных детей; о домовых и слезе черных глаз. Все времена здесь смешались в одном – в вечности и необъятности природы, близость к ней и зависимость от нее формируют национальный характер украинцев.

Украинцы общительны, щедры и благодарны, а об их гостеприимстве Захер-Мазох пишет с удовольствием и нескрываемой гордостью: «Коли надвечір завітає до вас якийсь гість, не побачите ви ні спохмурнілих, ані зляканих облич, не те, що у затишній Німеччині. Нікому із членів родини не спадає на думку потай від гостя прослизнути на кухню і там повечеряти. А у свята, коли звідусіль з'їжджаються родичи та друзі, ріжуть биків, телят, свиней, курей, гусок та качок, і вино ллється ріками, як у гомерівські часи» [4, с. 148]. Даже в сравнениях Захер-Мазох отсылает читателей ко временам мифологической древности, поскольку все перечисленные положительные качества писатель считает не благоприобретенными под

воздействием цивилизации, а наоборот – исходящими их глубинной природной сущности народа.

Но именно от первозданности же происходят и другие черты характера, о которых Захер-Мазох пишет со смешанным чувством восхищения и страха, гордости и сожаления. Это и славянская меланхоличность, тоска, разрывающая душу, фатализм, и некоторая лень и легкомыслие, о которых писатель по-западному сожалеет, но объясняет опять-таки природной неприхотливостью: вообще-то не бесприсветно ленивый народ, но «має невеликі потреби, балакає, співає, танцює охочіше, ніж тоді, коли мав би зробити зусілля заради заможного дозвільного життя» [4, с. 30]. Однако, есть в украинцах и то первобытные чувство, которое пробуждает в человеке жестокость зверя, собственно говоря, естественную жестокость, так как она есть необходимое условие самого существования хищника («Хлопский суд», «Опришок»). Это та неукротенная природа и «дикий» человек, на которых со сладким ужасом взирала уставшая от цивилизации Европа конца XIX в. На этой волне поднялись немецкий натурализм, и Ф. Ницше, и З. Фрейд, и венская «Сецессия». Так и Захер-Мазох оказывается во власти общеевропейского настроения возбуждающего балансирования на грани цивилизации и дикости, любви и насилия, того настроения, повинувшись которому, по меткому наблюдению Л. Цыбенко, «великосвітські матрони Відня замовлятимуть згодом у Гюстава Клімта портрети в образі Юдит» [10, с. 377].

Именно Эрос, причем в женском обличи, находит Захер-Мазох в украинской культуре. Для него славянство вообще ассоциируется с женским началом, а украинская культура является в этом смысле образцом культуры гинекократической. Поэтому, считает Захер-Мазох, здесь взаимоотношения полов непосредственны и глубоки, они не нуждаются в ухищрениях кокетства и возбуждающих изысках. Писателя восхищает свободное проявление чувств, но точно так же его покоряет особенная целомудренность украинского народа, в фольклоре которого «ніколи не стрінеш фривольності, не кажучи уже про відверто непристойні речі» [4, с. 102].

А уж более вдохновенного гимна украинской женщине, чем в эссе Захера-Мазоха «Женские образы Галичины», в литературе, наверное, не существует. Сравнивая украинку с представительницами других народов, Захер-Мазох отдает ей явное предпочтение. Ему нравится чувство гордого равенства, на котором строится украинская семья: «Коли полька володіє чоловіком, великоросіянка хоче йому підкорятися, як німкеня, то малоросіянка вимагає рівності з ним. При кожній нагоді в ній спалахує

нестримана козацька вдача, що не визнає жодного пана і жодного слуги» [4, с. 21]. Глубина натуры порождает и удивительную верность, присущую украинкам: «Полька в розпачі кине́ться на труп коханого чоловіка і за короткий час вона або знову зможе сміятися, або у холодній величі відвернеться від життя. Малоросіянка або помре від свого болю, або коли вже її волосся вже давно посивіє, все ще оплакуватиме темні кучері свого милого» [4, с. 26].

Наделенная природной поэтичностью, яркой фантазией, украинка, тем не менее, очень рассудительна. Не обладая внешним блеском польки, украинка, как называет ее Захер-Мазох, – практичный домашний философ. Такой широкий философский склад ума, правда, отвлекает украинку от выполнения непосредственных домашних обязанностей, она настолько чужда мелочности, что порой становится, с немецкой точки зрения, плохой хозяйкой.

Но все это с лихвой компенсируется для Захера-Мазоха замечательным качеством, которое, как он считает, наиболее ярко выражено именно в украинской женщине – материнским чувством. Писатель отмечает чрезвычайно высокое положение, которое занимает мать в украинской семье, причем она этого вполне заслуживает, поскольку с раннего детства не просто ухаживает за ребенком, заботясь о его физическом здоровье, но и воспитывает его, передавая ему свое поэтическое мироощущение, учит самым возвышенным идеалам честности, благородства, преданности: «через пісню і слово вона вже в душу босоногого хлопчини влила завзятість, на Поділлі, на Україні, в Галичині вона врятувала русинську національність» [4, с. 29]. Украинская женщина-мать, утверждает Захер-Мазох, не только опора семьи, но и основа нации. Украинские женщины составляют будущее своего народа: они образованы, патриотичны, сильны и инициативны, поэтому Захер-Мазох предвидит возможное появление здесь писательниц уровня Жорж Санд и, нужно признать, не ошибается. Леся Украинка и О. Кобылянская скоро придадут украинской литературе вполне европейское измерение, они же круто изменят русло, в котором на протяжении двух веков развивалась украинская словесность. С. Павлычко констатирует сбывшиеся надежды Захера-Мазоха: «У українській літературі першими модерністами були жінки <...> В контексті української літератури зламу віків фемінінне і феміністичне стало синонімом і джерелом модерного» [8, с. 87].

Очевидно, что образ украинского народа складывался по-разному, увиденный глазами разных немецких и австрийских авторов: на восприятие влияли и эпоха, и ментальные установки, да и просто разные вкусы и пристрастия. В чем-то этот образ совпадает с нашим

представлением о себе, в чем-то он кажется предвзятым или наивным. Но, может быть, именно в несовпадении национального авто- и гетеростереотипа заложена сама возможность диалога культур?

1. Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». – Электронный адрес – режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pshol/Chernjav/10.php
2. Гердер И. Г. Идеи философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
3. Гердер И. Г. Избранные сочинения. – М.-Л.: ГИХЛ, 1959. – 625 с.
4. Захер-Мазох Л. фон. Вибрані твори. – Львів: Літопис, 1999. – 384 с.
5. Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. – СПб.: Лань, 1997. – 512 с.
6. Кріль М. Слов'янські народи Австрійської монархії: освітні та наукові взаємини з українцями. 1772–1887. – Львів: Сполом, 1999. – 746 с.
7. Осадчук С. Німецький дім у Чернівцях. – Чернівці: Вид. Чернівецького держ. університету, 1994. – 62 с.
8. Павличко С. Дискурс модернізму в українській літературі. – К.: Либідь, 1999. – 360 с.
9. Француз К. Е. За правду. – Ужгород: Карпати, 1982. – 468 с.
10. Цибенко Л. Післямова // Захер-Мазох Л. фон. Вибрані твори. – Львів, 1999. – С. 365–382.
11. Doroschenko D. Die Ukraine und Deutschland. Neun Jahrhunderte Deutsch-Ukrainischer Beziehungen. – München, 1994.
12. Hornykiewicz T. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922, deren Bedeutung und historische Hintergrunde. – Bd. 1. – Philadelphia, 1994.